

УДК 141.1

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КРИТЕРИЙ»*Ю. Л. Игнатюк***HISTORICAL AND CULTURAL COMPREHENSION OF CONCEPT «CRITERION»***Y. L. Ignatyuk*

В данной статье исследуется история понятия «критерий» и многообразие его трактовок. Понятие «критерий» рассматривается как история развития отдельных процессов и явлений, происходящих в жизни людей, определяющих развитие культуры общества в целом. Исследованы критерии истины, моральности, духовности и др., что представляется наиболее перспективной платформой для дальнейшего обстоятельного изучения вопроса.

In given article the history of concept «criterion» and variety of its treatments is investigated. The concept «criterion» is considered as history of development of separate processes and the phenomena occurring in a life of people, defining development of culture of a society as a whole. Criteria of true, morality, spirituality, etc are investigated. It is represented the most perspective platform for the further detailed studying of a question.

Ключевые слова: критерий, мера, норма, традиция, истина, моральность, духовность.

Keywords: criterion, measure, norm, tradition, true, morality, spirituality.

Изменения, происходящие в современном мире, ставят перед наукой принципиально новые задачи. Необходимо активно осваивать процессы и явления, происходящие в обществе, уметь их дифференцировать. В связи с этим возникает необходимость изучения понятия «критерий», как средства дифференциации явлений культуры, его сущности и многообразия его трактовок. Данная проблема чрезвычайно актуальна не только в теоретико-методологическом, но и в практическом плане, поскольку до сих пор она не получила должного исследовательского внимания. Изучение понятия «критерий» есть изложение практически необходимого вопроса, проблемы, взятой непосредственно из жизни людей, возникшей в процессе развития культуры человечества. Критерии оказывают непосредственное влияние на процессы дифференциации результатов жизнедеятельности людей, являются своеобразными фильтрами и в последнее время все чаще являются объектом исследовательского интереса. Выявление критерия культуры целесообразно, поскольку он выступает показателем либо возрастания, либо упадка культурного уровня общества в ходе его развития.

Непосредственно термин «критерий» имеет греческое происхождение и переводится как средство для суждения, решения. Критерий есть признак, на основании которого производится оценка, средство проверки, мерило оценки. В теории познания «критерий» – это признак истинности или ложности положения. Критерием выступает определяющая мысль, точка зрения, представляющаяся мерилom для определения оценки предмета, явления, подтверждающая достоверность знаний. Надо отметить, что самостоятельно термин «критерий» не употребляется, он используется только в связке с другим словом, соответственно актуализируется необходимость исследования множественности критериев.

Широко известен критерий истинности Евклида, он является одним из приемов доказательства истинности высказывания; критерий ложности Платона, который также является способом доказательства. На основе критерия ложности Платона подтвер-

ждается высказывание о невозможности существования наибольшего целого числа. Кроме того, определен критерий оценки власти, то есть мерило оценки действенности и жизнеспособности власти. Критерием здесь выступают результаты деятельности власти, ее престиж, предприимчивость и т. п. Также известен критерий статистический, им считается правило, которое используется в математической статистике при проверке гипотез по данным наблюдения или эксперимента. Критерий указывает условия, при которых проверяемая гипотеза не может считаться согласующейся с фактами, полученными опытным путем и должна быть исключена, в другом случае совместимость гипотезы с достоверными данными считается вполне приемлемым. Известен также критерий нравственности, в качестве мерила нравственности выступает объективная историческая необходимость, которая в некоторой форме отображается в потребностях и интересах людей, которые в свою очередь, проецируются в понимании того, что есть добро, зло, справедливость и другие нравственные категории, нормы, выступающие основанием для предписаний и являющиеся регулятором поведения, поступков людей.

Все предложенные теории, концепции и просто высказывания в науке подвергаются испытанию, проверке на истинность, следовательно, в процессе развития науки возникла необходимость выявления критерия истины. Когнитивизм, преобладающий в философии довольно продолжительное время, устанавливал смысл истины как наполненную, содержательную характеристику философского знания и другого научного знания, закрепляемого при помощи языковых средств.

Термин «истина» используется в двух аспектах, во-первых, в гносеологическом (когнитивном), то есть истина есть совпадение образа и соответствующего ему предмета. Во-вторых, в ценностном, в котором истина понимается как схожесть предмета с неким идеалом, примером для подражания, образцом. Критерием истины выступает практика. Накопленные знания всего человечества, разработанные

научные теории, апробированные, испытанные практикой, обнаруживают себя как достоверные знания. Эти знания обладают значением объективной основы, именно практика составляет константу, устойчивую основу, цель и критерий познания. Первым близость в отношении между познанием и практикой была вскрыта марксизмом. Марксизм дал единственно верное решение вопроса об обнаружении критерия истины, этот критерий был найден вне познания. Вместо инертного субъекта прежних материалистов, а также вместо абсолютного духа Гегеля, марксизм определяет человека, который трансформирует мир со свойственной ему активностью и чувственно-предметной деятельностью. В ходе этих трансформаций он обогащается знаниями об объективной реальности и способах ее реорганизации, переустройства. Единственной и естественной связью человека с объективной действительностью оказывается практика, только она может быть ядром познания и критерием истины, другими словами, практика является действительно связующим звеном субъекта и объекта, которое делает их единство возможным, воплощает его в реальность. Мышление человека, являясь формой отражения существующей действительности, образовалось и беспрестанно развивается в течение всей истории человечества по образцу производственных отношений к объекту деятельности. Вследствие этого, мышление словно бы воссоздает в логической форме существующие истинные, реальные закономерности, открывающиеся человеку в его практической деятельности. Данная деятельность устраняет субъективность цели, реализуя ее, т. е. опредмечивая. Подобное опредмечивание человеческой субъективности выступает в то же время апробированием, испытанием мышления на его предметную истинность. Поэтому К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, то есть действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос. Общественная жизнь является, по существу, практической. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [3].

Не признавая аргументов агностицизма о том, что мир непознаваем, Ф. Энгельс заметил, что наиболее категоричное и действенное опровержение подобных философских воззрений содержится в практике, он полагал, что поскольку в возможностях человека доказать, что наше осмысление определенного явления природы верно, так как люди сами его производят, подчиняют его своим целям, то кантовская так называемая «вещь в себе» изжила себя, подошла к завершению. Выделенные нами аспекты позволяют предположить, что критерий для различия добрых и злых намерений, культурных и дис-

культурных явлений, с точки зрения марксизма, можно позаимствовать только из практики.

Отметим также, что критерий всеобщ, все подвергается мерилу, мы определяем, что является правильным, то есть ищем критерий истины, критерий поступка и так далее. Все взгляды на критерий можно разделить на две группы. К первой группе относятся взгляды тех философов, которые видят критерий в самом предмете, ко второй группе – тех, кто видит критерий вне предмета. Философы первой группы – это те, кто искал критерий познания в самом познании, например Р. Декарт видел необходимость в преобразовании философии посредством математики. Рационалистическая теория истины Декарта нашла отражение в идее врожденности основ знания, он полагал, что критерий истины в самом мышлении, в его ясности и отчетливости. Примируют к ним взгляды Лейбница и Спинозы. Спиноза преодолел нелогичность рационализма Декарта и определил протяжение и мышление как атрибуты монолитной, целостной субстанции – природы. Таким образом, объединение идеи с объектом становилось нормой истины, а следовательно, истина существует как критерий нормы самой себя и заблуждения. Лейбниц выделял два критерия истины: для необходимых истин разума – это сводимость к идентичности, тождественности; а для непредумышленных, случайных истин факта – это испытание, исследование опытом. Однако данное положение не устраняло проблемы критерия истины в отношении знания, соотносимого с реальностью. Чтобы понять критерии действительности, Лейбниц изучал субъективные критерии достоверности.

Для сенсуалистов XVII – XVIII вв. этот вопрос оказался достаточно сложным, именно в проблеме критерия истины выявилась их неспособность опровергнуть субъективно-идеалистические воззрения Беркли и Юма. Возникает проблема содержательности знания, того, что является критерием истины того познания, предметом которого является сама реальность, действительность.

Аристотель выделяет критерии сущности, а именно – два критерия сущности:

- первый – это мыслимость, или познаваемость в понятии;
- второй – это способность к автономному существованию.

При этом они несколько противоречат друг другу, поскольку только единичное имеет беспрекословное и независимое существование, однако единичное не познается умом и его невозможно определить, дать понятие. Аристотель пытался найти сущность, способную к независимому существованию, которую можно было бы постичь и выделить в понятии. Познав сущность, можно постичь сущее. Сущее – это совокупность отдельных вещей, в отношении которых может быть совершено действие, кроме того, это качества вещей, количество отношения. Философ утверждает, что все подлежит чувственному восприятию, сфера чувственного действительна, она существует. Например, естественным мерилем добродетели Аристотель рассматривает

честь; честь, по его мнению, это награда, заслуженная добродетелью.

Также одним из первых над проблемой осмысления существования критерия задумался Секст Эмпирик, который занимался поиском критерия истины и полагал, что «исследование о критерии для всех является предметом спора не только ввиду того, что человек – существо, любящее истину, но и ввиду взаимной борьбы благороднейших философских школ относительно главнейших предметов мысли. Было бы ужасно, если бы мы со всяческим усердием разыскивали внешние критерии (вроде циркулей, весов), а то, что в нас самих могло бы оказаться эталоном для этих самых критериев, пропускать» [8].

С. Эмпирик заявляет о двух смыслах критерия: «В одном отношении это то, пользуясь чем, мы одно делаем, другое же никоим образом не делаем; а в другом отношении это то, пользуясь чем, мы одно считаем существующим, другое – несуществующим, и вот это считаем, установлено истинно, а вот это – ложно»; упомянутый критерий существования имеет три значения: «общее: всякое мерило восприятия (зрение, слух, вкус); частное: всякое техническое мерило восприятия (весы, циркуль) и наиболее частное: (всякое мерило восприятия неясного предмета, согласно которому явления животной жизни уже не называются критерием, но лишь предметы разумные и то, что вводят для нахождения истины догматические философы)» [8]. Поскольку критерий имеет три значения, рассмотрим его с разных позиций, а именно: разумный критерий (предмет размышлений философов) и критерий, касающийся практической жизни, «однако этот разумный критерий можно подразделить, если говорить, что один критерий существует в виде «кем», другой – в виде «чем», третий – в виде направленности (на что-нибудь) и состояния; а именно, человек, благодаря «кому» возникает суждение, похож на весовщика и плотника; чувственное восприятие и разум, в силу «чего» возникает то, что относится к суждению, похожи на весы и отвесы; и наконец, направленность представления, благодаря которой человек предпринимает суждение, похожа на «состояние» вышеуказанных инструментов» [8].

Секст Эмпирик отмечает, что «вопрос, есть ли критерий, еще составляет предмет искания, как мы установили; вследствие этого критерий нуждается в доказательстве, указывающем, что есть критерий, и снова получается тупик взаимодоказуемости и затруднения. Если же ни доказательством, ни знаком, ни критерием нельзя установить, что есть доказательство, и оно не является, с другой стороны, вполне очевидным само из себя, как мы указали, то вопрос о существовании доказательства будет не воспринят» [9].

Исследуя существование критерия, С. Эмпирик утверждал, что все предметы и явления можно различить, используя некий критерий, необходимо обрести некое мерило для истинного существования вещей. Пользуясь определенным критерием, мы определяем, что истинно, а что ложно, совершаем те

или иные поступки, о критерии говорят «как о взятом для доказательства существования или несуществования», критерий это «то, с помощью чего мы судим о существовании и несуществовании и с чем мы считаемся в жизни» [9]. Далее он пишет: «То, что критерий истинен, доказывается обсужденным доказательством. Значит, для того, чтобы доказать, что доказательство, предпочитающее какое-нибудь из этих противоречивых мнений, истинно, нужно, чтобы был доказан его критерий, а чтобы доказать критерий, нужно раньше обсудить его доказательство; таким образом, получается тупик взаимодоказуемости, который не даст движения рассуждению, ибо доказательство всегда нуждается в доказанном критерии, а критерий – в обсужденном доказательстве. Если же кто-либо пожелал бы всегда судить критерий критерием и доказывать доказательство доказательством, то он впадет в бесконечность. Если, таким образом, мы не можем согласиться ни со всеми противоречивыми мнениями об элементах с некоторыми из них, то надлежит воздерживаться от суждения о них» [9]. Следовательно, критерия истины, по мнению Секста Эмпирика, не существует, «так как доказательство нуждается в доказанном критерии, а критерий – в обсужденном доказательстве, то они впадают в тупик взаимодоказуемости» [9].

Демокрит, считал, что критерием мудрого человека является способность не только хорошо мыслить и хорошо говорить, но и способность наилучшим образом делать, а самого мудреца предполагал мерилом всех вещей.

Сократ мыслил, что философия должна заниматься нравственной стороной жизни человека, утверждал, что знание порождает добродетель, а пороки и изьяны появляются из неосведомленности, неведения, незнания. Собственные учения он выражал в виде бесед, из которых нам известно его утверждение, что мерой (критерием) всего может быть только Бог.

Протагор утверждал, что мера всех вещей – это человек, критерий, в его понимании, есть мерило, а «вещами» он называет дела и поэтому утверждает, что человек является мерилом всех дел. Позже с ним соглашается Платон, называя идею блага высшей идеей, а мировую душу, по его мнению, создает Бог.

Иммануил Кант выделил критерий моральности человека – это добродетельность образа мыслей, а «критерием чистой добродетели – долг; долг, а не заслуга должен оказывать не только самое определенное, но, если он представлен в истинном свете своей ненарушимости, и самое неотразимое влияние на душу» [2], критерием же познания называет – опыт. И. Кант выделяет в своих трудах категорический императив, который является критерием нравственности, устанавливаемом личностью для самой себя. Эта моральная норма обязательна и неукоснительна в исполнении. Категорический императив И. Кант формулирует следующим образом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства; поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так

же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Вместе с тем он так и не определил критерий в ответе на вопрос, является ли нечто благом или злом.

В философии Г. Гегеля утверждалось, что критерий оценки – внешняя, социально-практическая сторона человеческой деятельности, в качестве решающего критерия добра и зла, с его точки зрения, выступает личное мнение человека.

Артур Шопенгауэр, в фундаменте этики которого лежит утверждение, что основой нравственности является чувство сострадания, к поиску критерия подлинности человеческого бытия и бытия вообще априори обращен иррационализм, а критерием бытия человека он считает иррациональное начало. В своем труде «Свобода воли и нравственность» критерием морально-чувственного поступка Шопенгауэр называет исключение эгоизма из аргументации.

Ницше Ф. видел критерий нравственности в силе и красоте, он считал, что «если человечество не хочет погубить себя, то должно быть найдено в неизвестном доселе размере знание условий культуры как научное мерило для вселенских целей. В этом состоит огромная задача великих умов ближайшего века» [4].

З. Фрейд мерой культуры считает «нравственный уровень ее участников, – не единственное духовное благо, которое надо принимать в расчет при оценке культуры» [6].

Й. Хейзинга предложил выделить критерий культуры, в качестве которого он видел игровой элемент, «подлинная культура не может существовать без некоего игрового содержания, ибо культура предполагает определенное самоограничение и самообуздание, определенную способность не воспринимать свои собственные устремления как нечто предельное и наивысшее, но видеть себя отгороженной некоторыми добровольно принятыми границами» [7].

Э. Фромм с его неопрейдистскими воззрениями, акцентируя внимание на социальных факторах в концепции психоанализа, которые обуславливают содержание всего существования человека, указывал на то, что критерием добра и зла является благо людей.

Станислав Лемм полагает, что для эволюционного развития человечества однозначным критерием разумности поведения является способность выжить.

Например, изучая природу культуры / дискультуры, некоторые мыслители отмечают, что для определения сущности этой оппозиции не обойтись без значительной доли нормативности, то есть необходимо сопоставить ее с определенной культурной нормой. Они утверждают, что вполне конкретным критерием культуры может выступать «критерий позволяющий отличить феномен культурного ряда от того, что можно считать контркультурным отклонением, выводящим за пределы культуры, хотя и имеющим к ней известное отношение», речь идет о критерии «общезначимости как феномена, претен-

дующего на роль культурного для всего социума» [5].

Синонимом термина «критерий» может выступать также понятие «норма» (пер. с лат. – правило, образец), она понимается как обязательный порядок, установленная мера, отмечающая рубежи, в которых разные культурные явления, а также природные, общественные, удерживают свои качества и функции, задающие их внутреннее соответствие. Нормы регулируют общественные отношения, поведение людей, обеспечивают их организацию и контроль, нормы закрепляются и действуют в кодексах, законах, правилах. Существует, например, моральная норма, в философском словаре можно найти следующее определение моральной нормы, это – форма нравственных требований, которые регулируют поведение людей посредством общих предписаний и запретов, распространяющихся на однотипные поступки. Человеческая природа может изменяться в процессе жизнедеятельности, меняется характер человека, это происходит вследствие его нормативной переориентации. Помимо того, мышление – высшая ступень человеческого познания, позволяющая овладеть знаниями об объективной реальности вне чувственной стадии познания, тоже подчиняется конкретным суждениям о так называемой «нормальности», воспроизводимым в данной культуре. Удержать неизменность, устойчивость через полагание рубежей вариативности является наиболее значимым для нормы. Неизменность в норме есть отсылка к ценности, которая обнаруживается и проявляется в ней. В культуре положение так называемого абсолюта может обладать, пожалуй, только ценностью, но она как бы переустанавливает эту абсолютность в норме. В качестве абсолюта норма представляется неким необходимым, устойчивым отношением функционирования социокультурных целостностей, обеспечивающим их самоидентичность и постоянство.

В реальной жизни общества нормы могут намеренно разрабатываться надлежащими институтами и вводиться в социальную жизнь. Такая норма может быть вытеснена на бытовом уровне, также возможно стихийное формирование норм как практически необходимых результативных схем взаимодействий и отдельных действий. Принятие искусственно сформированных норм означает их постепенную шаблонность, устойчивость в схемах опыта и, возможно, что в дальнейшем возникнет ее вторичное постижение как безусловно возникшей в этом опыте.

Возникла норма из традиции в качестве главного регулирующего инструмента в архаических обществах и как преобладающей, доминирующей инструмент в обществах традиционного уклада. Традиция как таковая может быть рассмотрена как особый тип нормы с определенной точки зрения своей функциональности. Принципиальная разница между традицией и нормой в том, что традиция включена в процессы жизнедеятельности, то есть регуляция происходит как бы изнутри, а в норме урегулирование социальных процессов происходит как бы снаружи. Кроме того, традиция и норма имеют разные

исходные принципы, – традиция формируется естественным образом, норма же вырабатывается искусственно. К тому же традиция пытается свои содержания сделать однородными, в то время как норма разъединяется, разобщается в случае вскрытия в ней новых содержаний. Надо отметить и разный характер собственной обязанности: традиция тяготеет к самодостаточности, самостоятельности, не нуждается во внешних регулятивах, а норма контролируется особыми специализированными учреждениями, системами, элементами социальной структуры. Культурные нормы, т. е., проявляющиеся ценностно, в широком смысле могут иметь достаточно строгий характер (например, «табу»), а выражение прямых, естественных социальных потребностей, увлечений, пристрастий могут быть довольно мягкими (разрешения, санкции). Нормы, которыми особо дорожат, сохраняют их, получили название нравов.

Принятые в определенном обществе нормы поведения регулируются специальной системой, объединением, так называемой совокупностью поведенческих регуляторов, которая содержит в себе механизм социального контроля за соблюдением этих норм, в характеристику которых включены процессы и явления, выгодные, наиболее рентабельные для этой системы в конкретных исторических условиях. Нормы общества бывают истинными и ложными, что проверяется и устанавливается критерием истинности – практикой. Зарождаются нормы и формируются как следствие процесса отражения в сознательной деятельности людей объективных закономерностей осуществления жизни и деятельности социума и реализуются в юридических нормативных актах, также в морально-этических предписаниях. Нормы исполняют функции оценки и ориентации как отдельного человека, так и всего общества аналогично другим ценностям, выполняя при этом роль регулятора поведения и осуществляют его контроль. Кроме этого, норма дает определенные предписания, а не только оценивает и ориентирует по аналогии с идеалами. Таким образом, норма – это обязательное правило, порядок, установленная мера, требуемые и соблюдаемые различными социальными институтами.

Многие исследователи, теоретики сегодня пытаются определить, что является мерилем истинной духовности, найти ее критерий. Данная проблема – проблема критериальности духовной культуры общества – может быть решена только при оценке культуры как отдельного человека, так и уровня повседневной духовной жизни всего общества в целом. Это общество должно освоить и востребовать духовные ценности для человека, который должен жить духовно богаче и насыщеннее.

Отметим, что специфическим способом концентрации, сохранения и передачи последующим поколениям духовных ценностей является эстетическая и художественная культура, а ее основа – это эстетические и художественные ценности, эстетические ценности являются признаком духовности. Эстетическая ценность выражается в «прекрасном, возвышенном», ее противоположностью предстает «без-

образное, низменное». Носителем эстетического оказывается «сложившаяся и откристаллизовавшаяся исторически в социальной практике» форма определенного явления. Таким образом, правильное – ошибочное, симметрия – асимметрия, целесообразное – нецелесообразное являются собой только объективное начало эстетических ценностей. Высшую степень ценности, одухотворенности, и очеловеченности природных и социальных явлений выражает – эстетическое, которое влияет на постижение и формирование человеческой общности [1].

Отсюда следует, что эстетическая ценность олицетворяет собою неделимость средства и цели, идеального и истинного. Добро и истина априори, симптоматично есть красота. Красота занимает особое место в ряду требований, предъявляемых культурой. Эстетическая ценность, выступая основой процессов эстетизации производственной среды, продуктов деятельности людей, является также основой эстетического воспитания, образования и обучения по законам красоты. Гарантией отличия истинных носителей эстетической ценности от множества схожих с ними подделок может быть только эстетическая оценка, так как она является, в первую очередь, оценкой качественной и не сводится к формально-количественным показателям, а качественное совершенство безмерно. Одним из важнейших показателей определения духовно-эстетического потенциала человеческой жизни должна стать эстетическая оценка.

Вопрос о критериях отличия ценностей подлинной духовности от сходных с ними суррогатов чрезвычайно важен, проблема истинности духовных ценностей возникает также и из-за возросших темпов развития мира. Пожалуй, основной из таких ценностей, определяющей жизнь человека в обществе, выступает совесть, которая есть категория этики, объясняющая возможности личности контролировать себя, производить самооценку поступков с точки зрения морали. Гораздо эффективнее любого общественного контроля и порицания – это суд совести; собственно нравственные вопросы у всех народов и во все времена в итоге решаются совестью, «ибо из трех сфер бытия и непосредственного проявления духовных ценностей именно нравственность определяет жизнь человека среди других людей, а нравственная культура – залог и основу стабильности и достойной жизни человека в обществе» [1].

Основным условием социокультурного прогресса является перемещение борьбы добра и зла из реальной социальной жизни в сферу духовной культуры, (нравственность, искусство, религия), поскольку именно в этих сферах духовности добро и зло резко отличаются и хорошо заметны, а цели и средства не различаются между собой. Поскольку «добро творится – и ... зло истребляется – одним лишь духовным деланием и его осуществлением – любовным единением людей. Никогда еще добро не было осуществлено никаким декретом, никогда оно не было сотворено самой энергичной и разумной общественной деятельностью; тихо и незаметно, в стороне

от шума, суеты и борьбы общественной жизни оно нарастает в душах людей, и ничто не может заменить этого глубокого ... органического процесса ... Политический же фанатизм и рожденный им культ насилия и ненависти есть слепое идолопоклонство» [1].

Одним из основных критериев отличия истинной духовности от мнимой, считается бескорыстность. Бескорыстность по большей части духовная нежели материальная, которая отчетливо обнаруживает себя в актах альтруизма и является одной из первых примет красоты, которая, в свою очередь, является выражением духовности и предохраняет наши души от деградации, растрепания. Следующим критерием духовности выступает искренность, – перед собой, в первую очередь, так как правда – это атрибут культуры, в социальной жизни именно правда как истина является действенным шагом к устранению отчуждения между людьми. И искренность, и бескорыстность выступают исходными признаками любви и красоты, которые, в свою очередь, есть всеобъемлющие, разносторонние духовные ценности человеческой жизни и культуры. Поскольку любовь – это основа жизни, и она обусловлена красотой. Одна из самых благородных энергий – это любовь, содержащая в себе потенциал творческий и созидательный (П. Сорокин). Любовь и красота транслируются последующим поколениям не только социально, но и генетически, «любовь и красота постоянно, ежедневно и ежечасно сохраняются в каждом из людей мир подлинной человечности, личного достоинства и духовной свободы» [1]. Возможно, что единственным средством для преодоления войн и конфликтов между людьми и обеспечить мир и гармонию в отношениях между ними может лишь рост любви бескорыстной, созидательной, которая проявлялась бы в поведении, в отношениях между людьми и культурой в целом.

Постоянно и все более очевидно возрастает роль культуры, поскольку именно культура формирует человеческую душу. Во все времена и при любых условиях она остается основой общественного развития.

Построение жизненного благополучия в современном обществе возможно только в условиях возрастания духовных потребностей человека, его духовного самосовершенствования, человек должен жить духовно богаче и насыщеннее. Следовательно, подлинным и важнейшим делом интеллигенции сегодня является увеличение потенциала основных духовных ценностей и их проявления на соответствующих уровнях культуры и жизни общества. Нужна активизация и объединение людей для созидательной и конструктивной деятельности, направленной на возрождение высокой духовной энергии, интеллектуального совершенствования человека, так необходимого для будущего. Все это возможно

при соответствующем отношении к ходу истории, к критериям духовной культуры. Потому как весь мир, сама жизнь неслышно крутится вокруг создателей новых ценностей, а не вокруг создателей нового шума и бессмыслицы (Ф. Ницше).

В итоге отметим, что историко-культурологическое осмысление понятия «критерий» при описании структуры того или иного явления, социальных процессов и действий вносит существенный вклад в развитие научного знания. Данное понятие включает в себя совокупность разнообразных характеристик и особенностей отдельных предметов и явлений жизнедеятельности человека. На протяжении всей истории науки учеными решаются проблемы критериальности: что выступает приемлемым критерием, нормой, мерилем разнообразных процессов и явлений в жизни общества, могут ли быть критерием предметы и явления, созданные людьми или черта характера человека? Все приведенные в исследовании трактовки понятия «критерий», взаимно дополняя друг друга и определяя основное содержание, не являются противоречащими. Очевидно, что следует и необходимо иметь критерий или инструмент суждения, при помощи которого можно было бы дать оценку исследуемому явлению.

Литература

1. Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры [Текст] / Г. П. Выжлецов. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996. – 152 с.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности [Текст] / И. Кант. – М.: Мысль, 1999. – 1472 с.
3. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. – Т. 3. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 629 с.
4. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. Весёлая наука. Злая мудрость [Текст]: сборник / Ф. Ницше [пер. с нем.] С. Л. Франка, К. А. Свасьяна. – Мн.: Попурри, 1997. – 704 с.
5. Социология контркультуры: (инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь) [Текст]. – М.: Наука, 1980. – 264 с.
6. Фрейд, З. Психоанализ и культура: Леонардо да Винчи [Текст] / З. Фрейд. – СПб.: Алетейя, 1997. – 295 с.
7. Хейзинга, Й. Homo Ludens [Текст]: статьи по истории культуры / Й. Хейзинга; пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
8. Эмпирик, Секст. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. [Текст] / С. Эмпирик. – М.: Мысль, 1976. – 399 с.
9. Эмпирик, Секст. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. [Текст] / С. Эмпирик. – М.: Мысль, 1975. – 421 с.